

ленные члены семьи придерживались строгой брачной экзогамии, и нарушителям ее грозило наказание, например изгнание за пределы рода и селения.

Усыновление могло выступить эквивалентом побратимства: так преданные друзья, желая связать себя узами родства, прибегали к усыновлению одного из них (иногда обоих) родителями другого.

Аталычество, или обычай отдавать своего ребенка на воспитание в чужой род или семью, вдали от родины, у ингушей был менее распространен. Объяснялось это небольшой социальной дифференциацией в ингушском обществе.

Суть аталычества состояла в том, что между аталыком и воспитанником, а также их семьями возникали родственные отношения, приравнивавшиеся к кровным. Это вытекало из того факта, что жена аталыка становилась кормилицей воспитанника, так как ребенок попадал к ним практически с рождения и возвращался домой уже юношей. Аталыком мог стать как родственник, так и совершенно чужой человек.

Институты куначества, побратимства, усыновления и аталычества играли огромную роль в жизни ингушского общества. С изменением социально-экономических и политических условий одни трансформировались и перешли в новое качество, а иные исчезли. Тем не менее и сегодня память о них в обществе сохраняется.

А.Т. Урушадзе

НАЛЬЧИКСКАЯ ШКОЛА: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ОТКРЫТИЮ

В XIX столетии Кабарда была наиболее известной российскому правительству и местной имперской администрации территорией Кавказа. Не случайно «проконсул Кавказа» А.П. Ермолов в одном из писем отмечал: «Кабарда есть та земля, которую

знаю я в большей подробности» [Кавказские письма 2011: 129]. Устойчивые союзнические и торговые отношения связывали русских и кабардинцев со второй половины XVI в. Учебное заведение могло укрепить и расширить эти связи уже внутри общего государства — Российской империи. Но школа в Кабарде появилась только в ходе образовательной реформы первого кавказского наместника М.С. Воронцова (1844–1854). В 1851 г. в Нальчике была открыта школа для кабардинской молодежи из привилегированных сословий [Дзагов 2006: 529]. Этому событию предшествовали многие годы бюрократических проволочек и управленческой нерешительности.

Первым на необходимость учреждения учебных заведений для кабардинцев указал главнокомандующий на Кавказе П.Д. Цицианов (1802–1806). При этом глава российской администрации целью видел «перемену воспитания» жителей Кабарды, благодаря чему последние должны были сблизиться с Россией. В своем рапорте Александру I от 9 февраля 1803 г. П.Д. Цицианов писал, что школы для обучения кабардинской молодежи удобнее завести в Георгиевске и Екатеринограде. В этих училищах, по мысли П.Д. Цицианова, следовало обучать учеников только «российскому и татарскому языкам», а затем отправлять горцев в кадетские корпуса с последующим распределением на службу в пределах Кавказской линии [АКАК 1868: 953]. Император благожелательно ответил на предложения кавказского начальника и поручил ответственным министрам заняться их практической реализацией. Однако открытие уездных училищ в городах Северного Кавказа затянулось, а когда все же произошло, П.Д. Цицианова уже давно не было в живых.

Открыть школу для кабардинцев в окрестностях крепости Нальчик в 1829 г. предлагал генерал-майор Ф.А. Бекович-Черкасский [Айларова 2009: 104]. Представитель кабардинской аристократии писал И.Ф. Паскевичу — главе российской администрации на Кавказе (1827–1831), следующее: «Воспитание есть первая и главная пружина к утверждению благосостояния народа. Кабардинцы, как известно, народ, приобвыкший к жизни бурной, имеющий нравы закоснелые в грабежах и разбоях, почитающий все сие добродетелью и чуждающийся с минуты рож-

дения своего жизни трудолюбивой, требуют больших попечений. По сему главным и первым предметом должно быть учреждение в городе училища для малолетних детей» [АКАК 1878: 872].

После окончания трехлетнего курса обучения в училище выпускники, согласно предложениям Ф.А. Бековича-Черкасского, должны были отправляться в столичные учебные заведения. Отучившись, они возвращались бы на Кавказ, имея «преимущество перед прочими право к занятию различных в Кабарде должностей» [АКАК 1878: 872].

В 1831 г. появляется проект строительства при Нальчикской крепости школы и мечети «для горских аманатов» [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 23. Л. 20]. Этот проект возник на фоне восстания осетин-тагаурцев в 1830 г., усмирением которого руководил генерал-майор И.Н. Абхазов. В ходе экспедиции И.Н. Абхазов не только подавил сопротивление осетинских обществ, но и взял множество заложников-аманатов. Генерал-майор обратился к командующему войсками на Кавказской линии генералу Г.А. Эммануэлю с мнением о необходимости улучшения условий содержания аманатов, в том числе учреждения для них специальной школы. И.Н. Абхазов повторил свои предложения в рапорте главнокомандующему на Кавказе И.Ф. Паскевичу [АКАК 1878: 357].

Весной 1831 г. Г.А. Эммануэль предписал И.Н. Абхазову составить смету устройства в Нальчике мечетей и школы для аманатов. Составление сметы было поручено инженерному офицеру Тенгинского пехотного полка, подпоручику Франку. Однако по каким-то причинам ее расчетом занимался другой офицер — поручик Селезнев [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 23. Л. 22–25]. Документ был представлен начальству Кавказской линии в августе 1831 г., но строительство не началось. Как и проект Ф.А. Бековича-Черкасского, намерения основать в Нальчике школу для аманатов закончились ничем. Это то немногое, что объединяет столь непохожие идеи.

В 1841 г. представители кабардинской феодальной знати обратились к начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору А.Г. Пирятинскому с просьбой об открытии при Нальчикской

крепости училища. Поддержал прошение об открытии школы и духовный лидер кабардинцев эфендий Большой Кабарды Умар-хаджи. В письме к А.Г. Пирятинскому он отмечал: «[Если] благомыслящее начальство воззрит милости о том, чтобы учредить в Кабарде училище для обучения кабардинских детей, то я обещаю все, что только мне в годовой доход при настоящей моей обязанности приходиться будет, как-то: из баранов, рогатого скота, меду, проса и прочего подлежащего мне в пожертвование от народа, по учреждению училища определяю на содержание оною с полным удовольствием» [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 24. Л. 25]. Подчеркнем, что речь шла об образовании светского учебного заведения, в котором горцы обучались бы русскому и другим языкам (восточным).

Между Петербургом, Нальчиком и Тифлисом началась бесконечная переписка с указанием различных мнений и многочисленных замечаний. Решающим стало слово Николая I, который не увидел необходимости в учреждении нальчикской школы. Император посчитал идею основания в Нальчике «дорогостоящего заведения» трудной к исполнению с финансовой точки зрения и неоправданной с практической стороны. Взамен российский самодержец указывал на возможность, существующую для горского юношества с 1836 г., — поступать в школы военных воспитанников при полках и батальонах Кавказского корпуса. По мнению Николая I, обучаясь в таких школах совместно с русской молодежью, горцы «скорее выучатся языку и ознакомятся с нашими понятиями» [Народное образование 2001: 38].

Решение императора было сообщено командиру войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту В.О. Гурко, но тот не решился огласить его кабардинцам, опасаясь возможных возмущений. Указывая на оскорбительный характер отказа в условиях готовности кабардинцев всеми силами содействовать устройству школы, В.О. Гурко просил главнокомандующего на Кавказе А.И. Нейдгардта (1842–1844) убедить Петербург в необходимости положительного ответа на просьбу кабардинцев. Усилия кавказского начальства увенчались успехом. В начале 1843 г. последовало монаршее соизволение на открытие школы для горцев в Нальчике. Дав себя переубедить, Николай I поставил перед

кавказской администрацией «непременное» условие. Из 25 воспитанников школы половину должны были составить дети русских дворян, офицеров и несколько сыновей «отличнейших урядников Линейного войска» [Там же: 51].

Как видно, процесс принятия решения затянулся. За два года строительный материал, заготовленный кабардинцами, частью был использован, а частью пришел в негодность. В 1845 г. начальник Центра Кавказской линии генерал-майор В.С. Голицын доносил командующему войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту Н.С. Завадовскому, что для строительства школы необходима закупка нового материала. В.С. Голицын подчеркивал, что местное дерево плохого качества и предпочтительней будет каменная постройка. Но для сооружения каменного здания администрации требовались каменщики, а главное — умелый архитектор. Наем такого количества специалистов неизбежно привел бы к огромным финансовым издержкам [Там же: 45–46]. Решиться войти в крупные расходы российская администрация не могла. Строительство школы отложили.

В 1848 г. М.С. Воронцов определил другое место для кабардинской школы — станицу Екатериноградскую. Наместник мотивировал перенос школы за пределы Кабарды необходимостью «устранив детей кабардинцев от постоянного влияния их родственников и вообще одноплеменников, предоставить более возможности к сближению с нами и усвоению понятий и обычаев наших» [Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15. Л. 238]. Возможно М.С. Воронцов учитывал опыт старейшего на Кавказе Тифлисского благородного училища, ученики которого теряли навыки общения на русском языке после продолжительного пребывания в родительских имениях. Открытие школы в Екатериноградской станице оказалось делом не более легким, чем устройство учебного заведения в Нальчике. К этому прибавилось нежелание кабардинцев отпускать детей так далеко. Наместник вернул проект учреждения школы в Нальчик.

В 1851 г. школа для горской молодежи на 25 мест в Нальчике была открыта и приняла своих первых учеников. Школа принимала детей аристократических фамилий. При этом туда поступали не только знатные кабардинцы, но и представители бал-

карской элиты [Документы по истории Балкарии... 1959: 37]. Реализация давнего желания местного населения была ознаменована окончанием практики выдачи аманатов кабардинцами и балкарцами российской администрации. А последние из них — Зарахмат Шакмаев, Хамурза и Кертебий Урусбиевы — были переведены кавказским наместником для воспитания в Нальчикскую школу [Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 36–37].

Библиография

Айларова С.А. Об одном урбанистическом проекте Ф.А. Бековича-Черкасского // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2009. № 3.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1868. Т. 2; 1878. Т. 7.

Дзагов Р.Н. К истории развития образования в Кабарде в XIX — начале XX в. // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 4.

Документы по истории Балкарии. 40–90-е годы XIX в. Нальчик, 1959.

Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. СПб., 2011.

Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX — начале XX в. Сборник архивных документов. Нальчик, 2001.

Список сокращений

АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией

КБИГИ — Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований

ЦГА КБР — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики